

11 апреля - Международный день освобождения узников фашистских концлагерей

Встреча двух поколений

**«Память
сердца...»**

ЭТО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ!

11 апреля

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ
УЗНИКОВ ФАШИСТСКИХ КОНЦЛАГЕРЕЙ**

Европа до сих пор содрогается, вспоминая об ужасах последней войны. Тяжкие испытания, выпавшие на долю взрослых, прошедших застенки концлагерей, не обошли стороной и детей. Самые страшные их детские воспоминания связаны с 1941-1943 годами, когда фашисты бесчинствовали на оккупированных территориях: расстреливали мирное население, сжигали в собственных домах и сараях, сгоняли на принудительные работы. Детей увозили вместе с родителями – кого в концентрационные лагеря, кого на принудительные работы в Прибалтику, Польшу, Германию или Австрию. И еще долгие годы после войны люди, по чужой недоброй воле ставшие заложниками колючей проволоки, скрывали прошлое, боясь не то что говорить, но даже думать о том, что с ними произошло. Ведь многих ждало обвинение в измене родине и очередной этап, теперь уже в сталинские лагеря. **Дети-узники** не были исключением, на них тоже распространялся позор измены.

У них **не было детства**, но и в зрелые годы прошлое не отпускало их. Пережитые в раннем возрасте унижения, страх, бремя непосильного труда и обретенные вследствие этого болезни не могли обеспечить им полноценной жизни.

Фашисты пригнали в концлагеря тысячи детей. Оторванные от родителей, испытывая все ужасы концлагерей, большинство из них **погибло в газовых камерах**. Это были еврейские дети, дети расстрелянных партизан, дети убитых советских партийных и государственных работников.

Но, например, антифашистам концлагеря Бухенвальд удалось поместить многих детей в отдельном бараке. Солидарность взрослых защищала детей от самых ужасных издевательств, чинившихся бандитами-эсэсовцами, и от отправки на ликвидацию. Благодаря этому 904 ребенка смогли выжить в концлагере Бухенвальд.

Война – это не только человеческие жертвы, потери в бою, это и нравственные потери, это, прежде всего изуродованное, искалеченное детство, отчаянье и горе матерей. Во все времена, во всех войнах были убитые и пленные, но, ни в одной войне так не страдали дети. Фашизм не признавал возрастного различия. Великолепно отлаженная гитлеровская машина **уничтожения людей** перемалывала всех с одинаковой аккуратностью и беспощадностью: дряхлых стариков, цветущих женщин, новорожденных младенцев. День и ночь дымили крематории бесчисленных лагерей смерти на территории самой

Германии и на территориях оккупированных государств. Словно черная сыпь, покрыла тело Европы сеть этих лагерей.

В годы второй мировой **дети оказались самыми незащищенными** среди тех, кому пришлось жить на оккупированной территории. Много было жертв в ходе военных действий, во время бомбежек и артиллерийских обстрелов. Сотни тысяч детей с матерями или без них оказались в концентрационных лагерях и в гетто.

Детский труд нещадно эксплуатировали на военных объектах третьего рейха, на секретных заводах и полигонах, их использовали для проведения бесчеловечных медицинских экспериментов, брали кровь на нужды Восточного фронта.

Во время своих агрессивных походов фашистский вермахт не щадил детей. И уже никогда не будет установлено количество детей, уничтоженных или

10 июня 1942 года банды СС сровняли с землей деревню Лидице в Чехословакии. Мужчин расстреляли, большинство детей отправили в «детские приюты», где их уничтожили. Около двухсот женщин, девушек и маленьких детей – четыре поколения – в начале июля прибыли в Равенсбрюк. Самой старой женщине – прабабушке – было девяносто два года.

Для лагерного начальства дети были ненужным балластом. О них имелись особые предписания. Никто из них не смел, покидать блок; появляться на Лагерштрассе они могли лишь в сопровождении блоковых или штабовых. Лагерное начальство полагало, что детям достаточно свежего воздуха, пока они стоят на утренних и вечерних апелях. **Им не разрешалось иметь игрушки**, они должны были тихо сидеть в углу в дневном помещении. Запрещалось чему-либо обучать детей. Если надзирательница видела плачущего ребенка, она била его и запирала на несколько часов в темную кладовку. Если при этом была мать, то надзирательница избивала и ее, грубо крича: «Лучше следи за своим ублюдком!».

Плакать детям запрещалось, а смеяться они разучились. Для детей не было ни одежды, ни обуви. Одежда заключенных была для них слишком велика, но ее не разрешалось переделывать. Дети в этой одежде выглядели особенно жалкими. Не по размеру огромные деревянные башмаки они постоянно теряли, за что также следовало наказание.

Если осиротевшее маленькое существо привязывалось к какой-нибудь узнице, она считала себя его лагерной матерью – заботилась о нем, воспитывала его и защищала. Их отношения были не менее сердечные, чем между родными матерью и

ребенком. И если ребенка посылали на смерть в газовую камеру, то отчаяние его лагерной матери, сохранившей ему жизнь своими жертвами и лишениями, не знало границ. Ведь многих женщин и матерей поддерживало именно сознание, что они должны заботиться о ребенке. И **когда их лишали ребенка - лишали смысла жизни.**

Все женщины блока чувствовали себя ответственными за детей. Днем, когда родные и лагерные матери были на работе, за детьми присматривали дежурные. А дети охотно помогали им. Как велика была радость ребенка, когда ему позволяли «помочь» принести хлеб! Игрушки детям были запрещены. Но как мало нужно ребенку для игры! Его **игрушками были пуговицы, камешки, пустые спичечные коробки, цветные ниточки, катушки из-под ниток.** Оструганный кусок дерева был особенно дорог. Но все игрушки нужно было прятать, ребенок мог играть лишь тайком, иначе надзирательница отбирала даже эти примитивные игрушки.

В своих играх дети подражают миру взрослых. Сегодня они играют в «дочки-матери», в «детский сад», в «школу». Дети войны тоже играли, но в их играх было то, что они видели в окружавшем их страшном мире взрослых: селекция для газовых камер или стояние на аппеле, смерть. Как только их предупреждали, что идет надзирательница, они прятали игрушки в карманы и убегали в свой угол.

Детей школьного возраста тайно обучали чтению, письму и арифметике. Учебников, конечно, не было, но узницы и тут находили выход. Из картона или оберточной бумага, которая выбрасывалась при выдаче посылок, вырезали буквы и цифры, сшивали тетради. Лишенные всякого общения с внешним миром, дети не имели представления о самых простых вещах. При обучении нужно было проявлять большое терпение. По вырезанным картинкам из иллюстрированных журналов, которые изредка попадали в лагерь с вновь прибывшими и отбирались у них при поступлении, объясняли им, что такое трамвай, город, горы или море. Дети были понятливы и учились с большим интересом.

Рассказ о праздновании дней рождения в семье звучал для них как сказка. Они не знали, как выглядит обычный дом, комната или кухня. Они не знали иной посуды, кроме коричневых жестяных мисок, а ярко разрисованной чашке дивились бы как чуду.

Эти страшные истории призывают нас делать всё возможное, чтобы люди никогда больше не испытывали всех ужасов фашизма.